

МЕМОРИАЛ

Юбилей главной крепости страны

Годы уносят в историю события, но не память о них, не людской интерес и не имена их героев

26 апреля Брестская крепость торжественно и красиво отпраздновала свой очередной день рождения. Звучит, согласитесь, не совсем привычно. Мы привыкли, что есть у Брестской крепости День Войны и День Победы, когда в Минуту памяти на героической земле цитадели замирают тысячи людей.

И все-таки у крепости в этом апреле был юбилей – ровно 170 лет назад, в 1842 году, над новым мощным оборонительным форпостом Российской империи был поднят государственный флаг и цитадель вошла в строй действующих. В 1833 году император Николай I окончательно утвердил генеральный план создания крепости. Первого июня 1836 года в торжественной обстановке был заложен первый камень «сердца» крепости – цитадели, а в основание казармы замурованы памятная бронзовая доска и шкатулка с монетами – их найдут в 1953 году при разбо-

ре завалов у Брестских ворот. Крепость расположилась на месте древнего города, который насчитывал более десяти тысяч жителей и 800 лет с момента основания – Брест было решено перенести на три километра восточнее. Брестская крепость охраняла западные рубежи империи и впервые стала широко известна за пределами России в марте 1918 года. Именно здесь, в Белом дворце, был подписан исторический Брестский мир.

Дата 22 июня 1941 года стала для крепости особой вехой. О подвиге небольшого гарнизона, который целый месяц оставался непокоренным, проявляя невероятное мужество и стойкость, сказано много. Написаны достойные книги, сняты фильмы про жизнь. Но только здесь, в самой цитадели, у ее руин, на человека обрушивается шквал эмоций – и печаль, и сопереживание, и, самое главное, восхищение человеческими качествами защит-

ников, не сдавшихся в крошечном аду, когда плавились в огне двухметровой толщины стены казарм и горело то, что гореть не должно.

Через три десятилетия после начала Великой Отечественной состоялось торжественное открытие мемориального комплекса «Брестская крепость-герой». Мемориал – это отнюдь не застывшие монументы. Он – живой организм. Его земля до сих пор возвращает нам имена героев-защитников.

Самые большие захоронения бойцов были найдены в 1993 и 1996 годах: на участке между юго-западной казармой и расположенном 333-го стрелкового полка (теперь здесь реставрационный участок) обнаружены останки 40 человек, на месте бывшего стадиона – останки 72 воинов. В этих раскопках впервые принял участие 52-й отдельный специализированный поисковый батальон управления по увековечению памяти защитников Отечества

и жертв войн Вооруженных сил Республики Беларусь.

Минувшей осенью военнореставрационным спецподразделением Минобороны Беларуси удалось отыскать еще одну братскую могилу. Начались поиски с фотоснимка, который из архива австрийской семьи попал в Россию, а два года назад его разместили в Интернете на форуме поисковиков. На сним-

лись активные поисковые работы. Уточнить координаты помогли фотографии из космоса – чудовищной мощи двухтонные снаряды мортиры «Карл» оставляли огромные воронки.

Неподалеку от храма из земли были подняты останки 58 защитников крепости.

Среди находок – и 13 красноармейских медальонов. Сохранившиеся документы и их фраг-

менты были переданы для изучения специалистам. Увы, время безжалостно – удалось установить имена только троих защитников крепости: Дениса Тарасовича Пахаренко, Григория Семеновича Зинченко, Александра Михайловича Таглина.

На торжественную церемонию захоронения останков героев 9 ноября в Брестскую крепость приехали их родные из России и Украины, откуда были призваны воины на срочную службу.

Со всеми воинскими почестями урны с прахом установлены под плитами. Сейчас в некрополе цитадели покоятся останки 1020 защитников. Известно имя только каждого четвертого. На митинге директор мемориального комплекса Валерий Губаренко заверил: работа по поиску останков будет продолжаться и дальше, до того момента, пока не будет найден и захоронен последний из защитников Брестской крепости.

За сорокалетнюю историю деятельности мемориала свя-

тью посетили более 20 миллионов человек из 130 стран мира. В прошлом году в Брестской крепости побывали 340 тысяч гостей. С каждым годом, чем дальше война, тем выше интерес к ее трагическим и героическим страницам.

Ирина ОРЛОВА

ФОТО АЛЕКСАНДРА УСТИНОВА/ФОТОСООЗ

ФОТО МИХАИЛА САВИНА/ФОТОСООЗ

ФОТО ГЕОРГИЯ ЛИТКЕРОВА/ФОТОСООЗ

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

С кинокамерой и пулеметом

Семен Школьников – один из двух фронтовых операторов, доживших до наших дней

Сто документальных кинолент снял народный артист Эстонии, трехкратный лауреат Сталинской премии, лауреат премии «За кинорепортаж на фронтах Великой Отечественной войны» Семен Школьников. Среди боевых наград оператора орден Красного Знамени и медаль «Партизану ВОВ 1 ст.»

Школьников – оператор четырех игровых картин, а одну – «Украл старого Томаса» – снял как режиссер, он автор книг, очерков о фронтовых операторах, о советском кино первых лет.

– Семен Семенович, известно, что на фронтах Великой Отечественной вели съемку 258 операторов, и снято ими было 3,5 млн метров пленки. Расскажите, как вы оказались в кинокамере на фронте?

– С киноаппаратом «Аймо». Перед войной я работал на Московской кинофабрике, и в 1939–1940 годах ездил снимать советско-финскую войну. После этого меня призвали в армию. Служил в Бессарабии, в гаубично-артиллерийском полку на реке Прут. Так что Великая Отечественная война для меня началась в самый первый час. Не проведая и месяца, был ранен, попал в госпиталь под Калинин. Позднее участвовал в боях за освобождение этого города, освобождал, правда, не с первой попыткой, и Ржев. Был сильно контужен и оказался в госпитале подмосковного города Иваново-Вознесенска. И вот когда занимался уже контрактурой, заставляя разогнуть левую руку,

из Москвы затребовали меня в распоряжение Центральной студии документальных фильмов. За всю корреспондентскую жизнь счастливее момента у меня не было.

Ранней осенью 1942 года я уже был с киноаппаратом на Калининском фронте. Работать начал в паре с опытным оператором Николаем Быковым, он был старше меня на 10 лет, было ему 33. Фронт не двигался, и нам казалось, что снимать нечего. Это сейчас я понимаю, что снимать надо было и был войны, а тогда мы рвались только на бой! И командующий Калининским фронтом сказал: «Хотите снимать бой? К партизанам!» Так мы оказались на стыке Белоруссии, Латвии и Псковской области. Тут снимать было что – и бой, и перестрелки, и немецкие зениты, летящие по откосам...

Потом нам дали недельный отпуск в Москве, после чего наши дороги с Быковым разош-

лись. Знаю, что он снимал на других фронтах, а в 1944-м погиб. Мне же довелось снимать, кроме Калининского, на Курской дуге, на 3-м Украинском фронте. Потом перебрались под Полтаву – запечатлеть американские четырехмоторные бомбардировщики. Заплавляясь бомбами и горячим в Полтаве, они летали бомбить Германию и Румынию. Делали посадку и в Италии, в Барри,

где также имелася база с нашими самолетами. Там, в Барри, я снял фильм о том, как наши солдаты заправляют американские «летающие крепости». Не забуду, как летел на такой «крепости», которая вывозила Тито из Югославии. В 1944-м нас вновь забросили в Белоруссию, в Ушачскую партизанскую зону. Двумя группами – нас с Николаем Писаревым и Марию Сухову с Оттилией Рейзман. Все мы знали друг друга еще до войны, когда работали на «Брянке», студии кинохроники, которая находилась в Брянском переулке в Москве. Дружили. Бывали на молодежных вечерах, танцевали. Правда, я танцевать не умел и в основном отсиживался в уголке. А Маша танцевала прекрасно – танго, фокстрот, румбу, английский вальс. Оттилия Рейзман была ее подружкой. И эти замечательные девушки наравне с нами были отправлены в партизанский

Я снял фильм, как наши солдаты заправляют американские «летающие крепости»

комбрига Данукалова я познакомился с полковником Родионовым, который со всем полком перешел на сторону партизан из власовской армии. За это и получил звание и орден Красного Знамени. Прорываясь из окружения, мы оказались с полковником и его адъютантом Василием в каком-то ровике. Пули летели над нашими головами. В болоте стали рваться мины. Родионов сказал, что надо менять позицию, и сделал едва заметное движение, словно хотел приподнять голову. Движение это стоило ему жизни. Мы там его и похоронили. И долго сидели у холима в ночи. Василий рассказал мне, в какой тайне в течение трех ночей велись переговоры о переходе полка. Данукалов и Родионов сходились на середине деревянного моста, сопровождавшие их адъютанты останавливались у сходов. О чем шла речь, не знал никто. Но операция удалась на славу – с полным вооружением полк перешел на нашу сторону.

– Вы не спросили, как становились власовцами?

– Очень просто. Василий рассказал, как однажды в их полковом клубе крутили кино «Если завтра война». То самое, в котором Красная армия расправляется с врагом на его, вражеской, земле. Вышли они с ребятами из клуба, расправили гимнастерки и почувствовали себя непобедимыми воинами, хотя сразу в бой. А на рассвете началась настоящая война. Василий попал в окружение и оказался в концлагере. Людей там изнуляли работой и морили голодом. Кроме того, попо-

– Чем вы занимались в отряде?

– Меня зачислили в подрывную группу. Взрывали немцев на шоссе, ведущих в

ОЧЕВИДЕЦ

Меня «расстреляли» партизаны... чтобы

С Григорием Никитовичем Куприяненко, бывшим партизаном, мы встретились в отделе Пособства Республики Беларусь в Санкт-Петербурге. Высокий красивый мужчина, основательный в движениях и разговоре.

– Григорий Никитович, как вас представить читателям?

– Капитан 1 ранга в отставке. Кандидат исторических наук. Разведчик и подрывник партизанского отряда. Декан Университета марксизма-ленинизма Ленинградского обкома КПСС. Писатель, председатель Совета белорусских партизан. Награжден орденами и медалями. В декабре исполнится 85 лет...

– Значит, когда началась война, вам было...

– Мне было тогда 13 лет. Наша соседка сказала, что началась война. Я побегал к школе, где у директора был единственный на всю деревню радиоприемник, и услышал

выступление Молотова о вероломном нападении Германии на Советский Союз.

– Ваше самое первое воспоминание о войне.

– Юнкерсы, бомбящие наши отступающие войска. У сестры от бомбежек началась эпилепсия. Было тяжело и страшно. Отец на фронте, вторую сестру в Германию угнали...

– Как вы попали к партизанам?

– Сначала я был сам по себе. Решил собирать оружие с мест боев. У меня было три винтовки, несколько сот патронов, десяток гранат, запалы. Узнав, что я хочу помогать партизанам, политрук Василий Иванович Жаркин, тайно

ФОТО АВТОРА

появлявшийся в нашей деревне, поручил мне собирать сведения о местных полициях.

Так я стал связным. – Хотелось попасть в отряд к партизанам?

– Я мечтал об этом, но не мог просто взять и уйти в лес. Всех моих родных расстреляли бы за это. И тогда мы придумали хитрость. Партизаны подъехали к нашему дому на виду у жителей деревни. Зашли, командир крикнул: «Собирайтесь!» Нас с братом вывели на подводе на окраину деревни. Командир приказал: «Пять шагов вперед!» – делаем эти шаги. Затем, вслед за словами: «Вы не помогаете партизанам!» – он стрелял поверх моей головы. Как подкошенный падаю. Конечно, это было жестоко по отношению к маме и родным, но другого выхода не было. Когда мама, рыдая, подбежала к подводу, я не заметно махнул рукой, чтобы возвращалась обратно. Вернувшись, она никому не сказала, что я жив. Слух о моем расстреле прошел по всем деревням, это обезопасило

родных от преследований.

– Один «знаток» сказал, что партизан сейчас не осталось по возрасту, так как в отряды «детей до 17» не брали. Что бы вы ему ответили?

– Он понятия не имеет о военном времени и о партизанском движении в Белоруссии. Восвали и стар и млад, от 12 лет до 70. НАРОД воевал с оккупантами! Официально брали в отряд с 16 лет, но многие мальчишки и девчонки прибавляли возраст.

Слух о моем расстреле прошел по всем деревням, это обезопасило родных

– Чем вы занимались в отряде?

– Меня зачислили в подрывную группу. Взрывали немцев на шоссе, ведущих в

Киев, Гомель, Могилев, Витебск и Ленинград. Помню, подорвали два больших итальянских грузовика с боеприпасами. А по лошадей не стреляли. Лошадей забирали себе. Немцы знали это и прятались в бою за лошадей. Участвовал в восьми подрывах немецких эшелонов. Делали угольные мины. Русские кочегары бросали их в топку, а сами соскакивали с поезда и уходили в лес. Состав, естественно, – под откос.

– А с девушками в те времена встречались?

– В отряде познакомился с девушкой, гуляли, сидели на лавочке и обнимались. Но тут,

как назло, начались сильные бои с немцами, и стало не до любви. Поспать не было времени. Бывало, что по четверо суток не ели.

– Григорий Никитович, а как вы из партизана вдруг превратились в моряка?

– Это было мое заветное желание. Я написал заявление на имя наркома ВМФ Николая Кузнецова, чтобы меня отправили на учебу в морское училище. Очень хотел моряком стать. Тогда, в 44-м, открылись морские подготовительные училища в Ленинграде, Владивостоке, Баку и Горьком, там давали среднее образование и готовили для поступления в высшие военно-морские училища. Выбрал Горький. В училище был секретарем комсомола на курсе, и после окончания меня направили в морское политическое училище в Ленинград. На-